

I.—ПЕШИТО ИЗЪ ГВАДАЛАХАРЫ.— А. Дерентали	5
II.—ПЪСНЯ ВРЮССЕЛЬСКИХЪ КРУЖЕВНИЦЪ.— Стихотворене.—Т. Щепкиной-Му-перникъ	58
III.—КАМЕННЫЙ ЛИКЪ.—(Городские очерки).— Вл. Ладыжвинскаго	61
IV.—ИНДУССКАЯ ПЪСНЯ.— Стихотворене.—А. Федорова	85
V.—ИЗБРАНІЕ РИМСКАГО ПЕРВОСВЯЩЕННИКА.—(Конявль).— А. Рубецъ	87
VI.—ВЪ ДЕКАБРЬ.— Стихотворене.—Г. Вяткина	118
VII.—МОСКОВСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ.— Д. Тяньникова	119
VIII.—ВЪ СТРАНУ ЛИХОРАДОКЪ.— Разсказъ Юргенса Юргенсона.—Перев. съ датскаго 3. Журавской	161
IX.—БЪЛАЯ БАКТЕРІЯ.— Разсказъ Юргенса Юргенсона.—Перев. съ датскаго 3. Журавской	170
X.—БОЛЬШОЙ КРЕСТЬ ПОЛУМЪСЯЦА.— Разсказъ Ричарда Хардингъ Дэвиса.—Перев. съ англ. 3. Журавской	195
XI.—ГУБЕРНАТОРЪ-ОРИГИНАЛЬ.—(Страничка изъ воспоминаній 1861—1863 г.г.)— Л. Хитрово	221
XII.—ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННАГО НАСТРОЕНІЯ ВЪ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДАХЪ.—(Окончаніе).— Нестора Котляревскаго	238
XIII.—ХРОНИКА.—ПИСЬМО ИЗЪ ЛОНДОНА.— Дюнео	250
XIV.—ВЪ КОЛЬЦЪ ОГНЯ.—(Письмо изъ Швейцаріи).— А. Дивильновскаго	263
XV.—КАКЪ ВОЙНА ОТОЗВАЛАСЯ ВЪ АМЕРИКЪ.— П. А. Тверскаго	280
XVI.—ЧТО НУЖНО БЫЛО ГЕРМАНИИ?— Л. Слонимскаго	287
XVII.—АНТОНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ РУБИНШТЕЙНЪ.— Къ 25-лѣтію со дня его смерти.—Винтора Вальтера	294
XVIII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.— Русская литература XX вѣка (1890—1910) подъ редакціей проф. С. А. Венгерова.— Е. Як-инъ.—С. П. Сингалевичъ . Составъ населенія г. Оксиринха въ первые три вѣка римскаго господства въ Египтѣ (30 г. до Р. Хр.—284 по Р. Хр.).—Его же.— Совѣтъ г. Оксиринха III вѣка по Р. Хр.—Б. П. Иванова .— Московский главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Архивъ Царства Польскаго. Ч. I. Внутренні дѣла Польши. Описаль И. С. Рабинянь.—С. Г.—Феликсъ Шенвицъ. Власть римскаго домовладыки.—Б. П. Иванова.—Jules Amar. Le moteur humain et les bases scientifiques du travail professionnel.—Р.—Высшія начальныя училища. Сборникъ законовъ, распоряженій, статистическихъ свѣдѣній и пр. о городскихъ и высшихъ начальныхъ училищахъ. Составилъ А. Меленевскій.—С. Г.—К. С. Лейтесъ. Германскіе комми-воажеры.—Е. А. Олонина. Портновскій промыселъ въ Москвѣ и въ деревняхъ Московской и Рязанской губ.	304
XIX.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.— Общее политическое положене.—Безпокойство нейтральныхъ державъ и толки о посредничествѣ.—Рѣчь германскаго канцлера.—Министерскія рѣчи въ Англи.—Политика балканскихъ государствъ и македонская распря.—Неопредѣленное положене нейтральныхъ государствъ на Балканскомъ полуостровѣ	318
XX.— СЪ ВОЙНЫ.—И. Жилкина	334
XXI.— НА ТЕМЫ ДНЯ.—К. Арсеньева	372
XXII.— ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.—Отвѣтъ на воззваніе нѣмецкихъ ученыхъ.—Резолюція русской группы международнаго союза криминалистовъ.—„Новый“ судъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ его созданія.—Судъ, для всѣхъ равный и неравный.—Подсудность.—Довѣріе и недоувѣріе къ суду.—Независимость суда.—Ликвидация нѣмецкаго землевладѣнія.—В. Кузьмина-Караева.—Повышеніе нѣкоторыхъ существующихъ и установленіе новыхъ налоговъ.—В. Е. Строгановъ †	385
XXIII.— ПАМЯТИ В. И. ЛАМАНСКАГО.—Д. О. К.	404
XXIV.— ОБЗОРЪ ВОЕННЫХЪ СОБЫТІЙ.—А. Оглина	405
XXV.— БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ	422
XXVI.— НОВЫЯ КНИГИ И БРОШЮРЫ	425
XXVII.— АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	427
XXVIII.— ОБЪЯВЛЕНІЯ	437

При этой книгѣ вѣсьмъ подписчикамъ рассылаются слѣдующія приложенія:
 Переводный бланкъ журнала „Вѣстникъ Европы“.
 Объявленіе о подпискѣ на журналъ „Нива“ 1915 г. Не получившіе означеннаго объявленія благоволятъ заявить о томъ въ контору журн. „Нива“—Петроградъ, ул. Гоголя, 22, откуда объявленіе будетъ выслано имъ немедленно.
 Объявленіе кн. маг. т. д. „Трудъ“ Смирмунта.
 Переводъ—объявленіе о подпискѣ въ 1915 г. на журналъ „Вокругъ Свѣта“. Не получавшімъ перевода высылается по первому требованію подробный проспектъ изъ конторы журн. „Вокругъ Свѣта“. Москва, Тверская, п. 48.

ИСТОРИЧЕСКАЯ
СИБИРСКАЯ

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,
ОСНОВАННЫЙ М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

СОРОКЪ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.

ДЕКАБРЬ.

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

ПЕТРОГРАДЪ.

1914.

пакгаузы Юга завалены хлопкомъ на цѣлый миллиардъ долларовъ, на который пѣтъ спроса ни внутренняго, ни внѣшняго, и цѣна на который упала на 50%. Югъ въ безвыходномъ положеніи, и уже приходится проектировать государственную ему помощь. Всего хуже то, что военное положеніе дѣль въ Европѣ не только не опредѣляется, но и обѣщаетъ затянуться на болѣе или менѣе долгое время.

Никогда еще театры войны не были такъ строго и такъ, по-видимому, эффективно охраняемы отъ внѣшняго наблюденія, и никогда еще газетныя свѣдѣнія не были такъ скудны и спутаны. По-видимому, гигантскій размахъ Германіи сокрушить Францію и занять Парижъ въ 30 дней уже и сегодня можно считать безважно неудавшимся благодаря стойкому сопротивленію союзныхъ армій. Россія, хотя и идетъ впередъ, но нужно думать, что понадобятся многіе мѣсяцы, дабы окончательно сломить одну изъ сторонъ. Словомъ, продолжительность войны неизвѣстна, и нельзя предвидѣть, до чего можетъ дойти денежное напряженіе и разстройство обычнаго хода промышленности и торговли. Воздѣйствіе войны такъ громадно и многосторонне, что и нейтральная Америка можетъ потерять въ матеріальномъ смыслѣ едва-ли ужъ многимъ меньше самихъ воюющихъ сторонъ.

Вступленіе въ войну Японіи было встрѣчено здѣсь не только подозрительно, но и съ худо скрытымъ неодобреніемъ. У насъ думаютъ, что если бъ наше, американское правительство не было такъ безкостно и инертно, оно могло бы предотвратить его. Дѣло въ томъ, что еще въ 1908 г. между Россіей, Франціей, Японіей и Америкой состоялось соглашеніе, обезпечивавшее территоріальное *status quo* Китая. Германія отказалась къ нему присоединиться. Предлагая Германіи очистить Кіо-Чао, Японія, очевидно, нарушала это соглашеніе,—но Америка согласилась на это нарушеніе, настоявъ только, чтобъ въ текстѣ ультиматума Германіи было вставлено обязательство Японіи возвратить Кіо-Чао Китаю.

Мотивы выступления Японіи и въ особенности иронія въ изложеніи ультиматума ясно доказываютъ, какъ успѣлъ возстановить противъ себя всѣ нации своей arrogantностью нѣмецкій кайзеръ. Во время испано-американской войны онъ успѣлъ глубоко оскорбить и Америку, хотя инцидентъ этотъ очень мало извѣстенъ въ Европѣ. Когда адмиралъ Дюи уничтожилъ испанскую эскадру въ Манильскомъ заливѣ и блокировалъ г. Маниллу, онъ вскорѣ оказался съ своими маленькими силами въ очень затруднительномъ положеніи, такъ какъ въ Вашингтонѣ долго недоумѣвали, что дѣлать, и медлили съ высылкой Дюи подкрѣпленій.

Какъ разъ въ это - то тяжелое время, неизвѣстно зачѣмъ, въ Манильскій заливъ прибыла нѣмецкая эскадра изъ трехъ судовъ, подъ командой адмирала Дитриха, флагманскій броненосецъ котораго одинъ былъ сильнѣе всей американской эскадры. Адмиралъ этотъ, съ перваго же дня по прибытіи, сталъ ежедневно открыто провоцировать Дюи демонстративнымъ сочувствіемъ испанскимъ властямъ, неисполненіемъ установленныхъ американцами правилъ блокады города, сношеніями съ берегомъ, и т. д. Кабель былъ перерѣзанъ, Дюи не зналъ, въ какомъ отношеніи стояла къ войнѣ Германія и было ли такое поведеніе нѣмецкаго адмирала умысленнымъ вызовомъ или просто озорствомъ. Но оно было такъ назойливо, что вывело его, наконецъ, изъ терпѣнія, и онъ послалъ къ Дитриху своего адъютанта съ словеснымъ заявленіемъ, что откроетъ пальбу по его судамъ, если провокація эта немедленно не прекратится. Дитрихъ на другой же день покинулъ Манильскій заливъ. Въ своихъ, недавно вышедшихъ въ свѣтъ, мемуарахъ Дюи хотя и очень осторожно, но съ нескрываемой горечью излагаетъ свою версію этого инцидента, а американскій народъ, принявшій его, правильно или нѣтъ, за arrogantное подтруниваніе надъ своими морскими силами, никогда не проститъ кайзеру этой выходки. Сложная офицерами Дюи пѣсенка «*Noch der Kaiser*» очень остроумна и популярна; она распѣвается здѣсь при каждомъ удобномъ случаѣ и посейчасъ.

П. А. ТВЕРСКОЙ.

Альта Лома, Калифорнія.

ЧТО НУЖНО БЫЛО ГЕРМАНИИ?

Германія находилась до войны въ блестящемъ положеніи. Она играла первенствующую роль въ Европѣ и пользовалась великимъ авторитетомъ въ разныхъ областяхъ человѣческой дѣятельности; ея промышленность и торговля достигли колоссальнаго развитія, ея богатство и благосостояніе возрастали съ каждымъ годомъ; все улыбалось ей въ будущемъ, и ея патриоты могли съ гордостью повторять стихи Гофмана фонъ-Фаллерслебена, сочиненные въ началѣ сороковыхъ годовъ и ставшіе національнымъ гимномъ: *Deutschland, Deutschland über Alles—über Alles in der Welt*.

Что еще нужно было Германіи для полнаго національнаго

благополучія? Она непрерывно дѣлала систематическія мирныя завоеванія среди сосѣднихъ и отдаленныхъ народовъ, успѣшно боролась съ промышленною конкуренціею Англии даже въ ея собственныхъ колоніяхъ и открывала широкіи просторъ для нѣмецкой предприимчивости во всѣхъ странахъ міра. Германія вывозила товары на одиннадцать милліардовъ марокъ въ годъ, а привозила—на десять милліардовъ. Богатѣйшій, все болѣе расширяющійся рынокъ представляла для нея Россія, съ которой торговые обороты ея превышали 2.100 милліоновъ марокъ въ годъ. Нѣмцы извлекали огромныя, неисчислимыя выгоды изъ промышленныхъ и культурныхъ связей съ Россіею; они не встрѣчали у насъ никакой преграды для приложенія своихъ способностей и капиталовъ, свободно пріобрѣтали земли и дома, устраивали фабрики и заводы, пользовались всевозможными льготами и поощреніями и въ сущности чувствовали себя у насъ въ болѣе привилегированномъ положеніи, чѣмъ у себя на родинѣ. Чего еще они могли ожидать или требовать отъ Россіи? Какія еще новыя права и льготы думали они пріобрѣсти у насъ путемъ войны? При мирныхъ и дружественныхъ отношеніяхъ они имѣли у насъ все, что хотѣли, а война сразу отняла у нихъ то, чего они достигли и чѣмъ пользовались невозбранно въ годы мира.

Впрочемъ, нѣмцы и не жаловались на Россію, а напротивъ, были ею очень довольны; они находили и находятъ только, что Россія—страна варварская, некультурная, и что ее нельзя считать равноправною съ просвѣщенной Германіею. Но нѣмцы извлекаютъ наибольше выгодъ именно изъ нашей «некультурности»: если бы мы были культурнѣе, мы сами производили бы тѣ издѣлія и фабрикаты, которыми снабжаетъ насъ Германія на сотни милліоновъ рублей въ годъ, и у насъ не было бы съ нею такого торговаго договора, какъ существующій нынѣ, который во многихъ отрасляхъ промышленности ставитъ насъ въ положеніе обязательныхъ данниковъ нѣмецкихъ производителей. Наша «некультурность» есть источникъ богатства для нѣмцевъ, фундаментъ ихъ господства и процвѣтанія въ нашемъ отечествѣ, и они всего менѣе имѣли право ссылаться на эту некультурность для оправданія враждебныхъ дѣйствій противъ Россіи. Подобная ссылка не имѣетъ разумнаго смысла уже потому, что наша отсталость есть фактъ давнишній, значеніе котораго не успливается, а уменьшается съ годами, и такъ какъ въ теченіе многихъ лѣтъ нѣмцы отлично уживались съ русскимъ «варварствомъ», то ничто не мѣшало имъ и впредь проявлять такую же терпимость, несомнѣнно для нихъ выгодную.

Если нѣмцы относятся враждебно къ Россіи въ виду ея «вар-

варства», то къ Англіи они чувствуютъ непріязнь за ея чрезмѣрную культурность. Англія раздражаетъ ихъ своимъ превосходствомъ во многихъ отношеніяхъ, своимъ безспорнымъ владычествомъ на моряхъ и океанахъ, обширностью своихъ колониальныхъ владѣній, обиліемъ своихъ накопленныхъ капиталовъ и міровымъ характеромъ своей торговли. Имъ кажется, что Англія стѣсняетъ ихъ свободу дѣйствій, ограничиваетъ ихъ «мѣсто подъ солнцемъ», а между тѣмъ за послѣднее десятилѣтіе продукты германской промышленности все болѣе водворяются въ предѣлахъ самой Англіи, подъ покровомъ господствующаго въ ней принципа свободы торговли. Нѣмецкіе предприниматели не были ничѣмъ стѣснены въ Англіи и ея колоніяхъ; они безпрепятственно завладѣвали рынками, которые съ давнихъ поръ числились за англичапами. Ввозъ германскихъ товаровъ въ Англію доходилъ до шестидесяти двухъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ (около 600 милл. рублей), а британскій вывозъ въ Германію не превышалъ тридцати семи милліоновъ фунтовъ. Одного сахару было привезено изъ Германіи 940 тысячъ тоннъ въ 1913 году. Въ Канаду германскій ввозъ опредѣляется приблизительно въ тридцать милліоновъ рублей; въ Австралію ввозится изъ Германіи на семьдесятъ милліоновъ рублей, а вывозится на сумму около семидесяти двухъ милліоновъ, при чемъ за пять лѣтъ ввозъ увеличился вдвое, а вывозъ—втрое. Въ Египетъ доставлялось нѣмецкихъ товаровъ на одиннадцать или двѣнадцать милліоновъ рублей ¹⁾. Повсюду нѣмцы расширяли предѣлы сбыта своихъ товаровъ совершенно свободно, вытѣсняя по мѣрѣ возможности британскую конкуренцію, и нигдѣ они не встрѣчали преграды для своей предприимчивости, хотя часто прибѣгали къ пріемамъ явно предосудительнымъ.

Чего больше могли они ожидать или требовать отъ Англіи и ея колоній? Какія еще новыя права и льготы могли быть желательны имъ въ предѣлахъ Британской имперіи? Для чего было бы имъ затѣвать войну съ Англіею ради выгодъ, которыя имъ доставались такъ легко цѣною мирныхъ усилій? Такъ какъ британскія колоніи пользуются автономіею, которой никто у нихъ отнять не можетъ, то даже приобрѣтеніе ихъ путемъ войны—если бы оно было вообще осуществимо—не прибавило бы никакихъ новыхъ хозяйственныхъ территорій въ распоряженіе нѣмцевъ. И нѣмцы могли бы спокойно продолжать по-прежнему устраивать свои дѣла подъ покровомъ бла-

¹⁾ Kelly's Monthly Trade Review, November 1914; Raphaël-George-Levy, La situation économique de l'Allemagne (Revue des deux Mondes, 1914, 15 octobre) и др.

250
ВСТАВКА
ЕВРОПА.

годѣтельныхъ британскихъ принциповъ свободнаго соперничества, если бы не вздумали воевать съ той самой Англіею, которой они столь многимъ обязаны. Германскій промышленный капитализмъ выросъ въ англійской школѣ, воспитался подѣ влияніемъ англійскихъ образцовъ и достигъ своихъ главныхъ міровыхъ успѣховъ на счетъ Англійи и въ ущербъ ея интересамъ, не вызывая никакого противодѣйствія со стороны англичанъ,—и за это нѣмцы, вмѣсто естественнаго чувства благодарности, обнаружили вдругъ такую злобную ненависть, какой нельзя было и предполагать въ ихъ отношеніяхъ къ Англійи.

Откуда у нихъ эти запасы злобы къ тѣмъ именно націямъ, которыя давали имъ наибольше простора въ своихъ странахъ? На русскихъ они смотрѣли свысока, какъ на народъ, нуждающійся въ ихъ культурной опецѣ, а къ англичанамъ они относились съ невольнымъ уваженіемъ, смѣшаннымъ съ завистью,—какъ къ старому богатому барину, котораго не грѣхъ и обобрать. Конечно, нѣмецкіе ученые отыщутъ глубокіе историческіе и экономическіе мотивы для объясненія этой завистливой вражды, прорвавшейся наружу съ неожиданной силой,—какъ и для выясненія причинъ разгорѣвшейся войны; но самые хитроумные патріотическіе вымыслы не устраняютъ того элементарнаго, стихійнаго, осязательнаго факта, что война сразу уничтожила всѣ плоды многолѣтнихъ трудовъ и затратъ Германіи и нѣмецкаго народа въ области міровой внѣшней торговли, морского судоходства и колониальной политики. Независимо отъ успѣха и неудачи военныхъ дѣйствій, уже самымъ фактомъ своего возникновенія война нанесла Германіи роковой непоправимый ударъ,—и никакого другого результата она не могла бы имѣть по существу, даже если бы германскій военный флотъ былъ сильнѣе британскаго и не долженъ былъ бы прятаться отъ него въ отечественныхъ гаваняхъ. Одно прекращеніе значительнѣйшей части германской внѣшней торговли и морского судоходства, въ связи съ остановкою дѣятельности многихъ отраслей производства, причиняетъ Германіи убытки, которые оцѣниваются на миллиарды; а неизбежная потеря колоній, приобретенныхъ съ такимъ трудомъ и безповоротно попавшихъ теперь въ крѣпкія руки англичанъ и японцевъ, представляетъ собою уже несомнѣнную катастрофу для всего германскаго имперіализма, и только люди, ослѣпленные какимъ-то массовымъ психозомъ, могли этого не предвидѣть.

Недавно одинъ изъ крупныхъ представителей германской экспортной торговли нисалъ въ «Berliner Tageblatt»: «Потребуется громадныя усилія, чтобы возстановить для насъ хотя бы нѣкоторую часть тѣхъ рынковъ, которые были намъ открыты до войны. Англійи

и ея колоніи, Франція, Россія, Бельгія, Японія,—какія обширныя территоріи покрываються этими именами и какаѣ огромная доля нашего колоссальнаго экспорта приходится на эти страны! Быть можетъ, не весь вывозъ въ эти страны прекратится, но нѣтъ сомнѣнія, что онѣ будутъ брать изъ Германіи только то, чего нельзя вовсе получить въ другомъ мѣстѣ или что можно будетъ приобретать только на гораздо менѣе благоприятныхъ условіяхъ... Все должно быть сдѣлано для того, чтобы сокращеніе спроса этихъ странъ на германскіе товары было какъ можно меньше. Было бы большою ошибкой принимать какія-либо мѣры, могущія неприятно дѣйствовать на населеніе заинтересованныхъ странъ. Всякая мысль о бойкотированіи иноземныхъ товаровъ въ Германіи должна быть рѣшительно отвергаема, какъ безусловно вредная для германской промышленности».

Надо имѣть въ виду, что это писалось еще въ тотъ періодъ войны, когда нѣмцы были твердо убѣждены въ неминувшей побѣдѣ Германіи надъ всѣми ея врагами, въ томъ числѣ и надъ Англіею. Дѣловой нѣмецкій коммерсантъ, которому патріотическій «Tageblatt» удѣлил мѣсто на своихъ столбцахъ, отлично понималъ, что силою оружія можно побѣдить враговъ, но нельзя заставить ихъ покупать германскіе товары, и что высказывать ненависть и презрѣніе къ противникамъ—значить подрывать основы возможныхъ съ ними въ будущемъ мирныхъ торговыхъ сношеніи, существенно необходимыхъ даже для побѣдоносной Германіи. Упорное нежеланіе думать о ближайшемъ будущемъ составляетъ вообще отличительную черту настоящей войны въ томъ видѣ, какъ она задумана и какъ она ведется Германіею. Война ведется такъ, какъ будто нѣтъ и не предвидится завтрашняго дня для воюющихъ сторонъ, какъ будто враждебныя націи, съ которыми борются нѣмцы, перестанутъ существовать и съ ними никогда уже не придется имѣть дѣла. Германское правительство публично заявляетъ, что подписанные ею формальные международные договоры суть лишь «клячки бумаги», не имѣющіе для нея никакого значенія,—и этимъ сно заранѣе даетъ знать не только своимъ противникамъ, но и всѣмъ остальнымъ культурнымъ націямъ, что никакимъ будущимъ договорнымъ обязательствамъ и обѣщаніямъ Германіи не слѣдуетъ вѣрять. На какихъ же основаніяхъ можетъ быть заключенъ миръ съ Германіею, если она сама отрицаетъ необходимость довѣрія къ ея подписи? Германскія власти, какъ военныя, такъ и гражданскія, не признаютъ никакихъ нормъ международнаго права, никакихъ установленныхъ правилъ и обычаевъ войны; они вездѣ и повсюду распоряжаются такъ, какъ будто кругомъ нѣтъ или не должно быть

живыхъ людей и народовъ, и какъ будто всё чужіе народы исчезнуть или потеряютъ способность чувствовать и мыслить подъ владычествомъ новыхъ побѣдителей. Подъ влияніемъ дикой и безумной идеи всеобщаго террора, германскіе командиры сознательно разрушаютъ города и села, гдѣ они могли бы имѣть продовольствіе и помѣщеніе для своихъ войскъ, и въ богатѣйшихъ культурныхъ мѣстностяхъ они создаютъ пустыню, гдѣ ничего уже нельзя добыть для настоятельныхъ нуждъ ихъ собственныхъ армій.

Эти представители воинствующей Германіи, разгоняющіе мирныхъ жителей непріятельской страны своими массовыми убійствами, пожарами и грабежами, и превращающіе бывшихъ недавно еще зажиточныхъ обывателей въ безпомощныя толпы нищихъ,—эти начальствующія лица, предоставляющія солдатамъ разбрасывать по вѣтру листки изъ старинныхъ книгъ и рукописей университетскихъ библиотекъ,—командиры, возстановившіе средневѣковые обычаи захвата и разстрѣла заложниковъ, выставленія женщинъ и дѣтей въ видѣ защиты отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, и т. п., всё они дѣйствуютъ, конечно, по опредѣленному плану, который можетъ имѣть только одну цѣль—сдѣлать невозможнымъ какое бы то ни было примиреніе или соглашеніе между Германією и ея противниками. Но, дѣйствуя въ этомъ направленіи, военныя власти прежде всего вызываютъ ожесточенную вражду противъ германскихъ войскъ и дѣлаютъ крайне затруднительнымъ, даже невозможнымъ положеніе ихъ въ занятыхъ областяхъ,—и эта бессмысленная тактика кошмарныхъ ужасовъ должна неминуемо привести къ уничтоженію всего могущества Германіи, какъ необходимому условію возстановленія нормальныхъ условій жизни въ Европѣ.

Манія національнаго величія, проявляющаяся въ разрушительныхъ и самоубійственныхъ формахъ, не можетъ имѣть никакого отношенія къ тѣмъ сложнымъ мировымъ задачамъ, которыя будто бы ожидали своего разрѣшенія путемъ войны. При современномъ характерѣ международныхъ экономическихъ связей война никакъ не можетъ считаться способомъ достиженія какихъ-либо разумныхъ хозяйственныхъ цѣлей, хотя бы и мировыхъ,—а въ той обстановкѣ, въ какой она предпринята Германією, она является страшнымъ, ужасающимъ безуміемъ, которое ничего другого, кромѣ бессмысленнаго разрушенія, произвести не въ состояніи. Повальное заразительное безуміе есть также крупный историческій факторъ, и роль его, какъ источника великихъ событій, давно отмѣчена безпристрастными учеными изслѣдователями. Загаочною остается только та своеобразная психика, которая побудила лучшіе умы Германіи отождествить себя съ ничтожною, но могущественною кликою воен-

выхъ честолюбцевъ, имѣющихъ въ своемъ безконтрольномъ распоряженіи многомилліонную, превосходно вооруженную армію. Загадочнымъ остается тотъ поразительный фактъ, что ни въ имперскомъ парламентѣ, ни въ печати не нашлось ни одного человѣка, способнаго поднять свой голосъ противъ преступной, безпричинной войны,—ни одного хотя бы отдаленнаго подобія тѣхъ ораторовъ оппозиціи, которые во французскомъ законодательномъ корпусѣ смѣло выступили противъ пагубнаго ослѣпленія Наполеона III и его приближенныхъ передъ войною 1870 года.

Въ Германіи не нашлось людей того типа, блестящими представителями котораго были Тьеръ и Гамбетта, и вообще не оказалось никакихъ независимыхъ умовъ и характеровъ даже среди тѣхъ партій, которыя признавались оппозиціонными и непримиримыми по существу. Всѣ они смиренно, съ шаблонными патриотическими фразами и возгласами, пошли за бездарными фантазерами, удивившими міръ провозглашеніемъ международнаго безправія и затѣявшими съ легкимъ сердцемъ явно безумную, небывалую въ исторіи войну народовъ. И не только пошли за Вильгельмомъ II и его канцлеромъ нѣмецкіе прогрессисты и радикалы, но и свѣтила германской науки сочли своимъ долгомъ выразить презрѣніе націямъ, подвергшимся кровавому нападению Германіи. Пройдетъ время, и тѣ же прогрессисты и ученые теоретики поневолѣ задумаются надъ мучительнымъ вопросомъ: для чего предпринята была эта бессмысленно-жестокая война, губящая благосостояніе и могущество нѣмецкаго народа? Что нужно было еще Германіи среди окружавшаго ее почета въ мірѣ?

Эти странности нѣмецкой національной психологии были чрезвычайно мѣтко указаны Герценомъ еще въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка. «Нѣмецъ,—говоритъ онъ,—теоретически развитъ, безъ сомнѣнія, больше, чѣмъ всѣ народы, но проку въ этомъ нѣтъ до сихъ поръ... Самые радикальные люди между нѣмцами въ частной жизни остаются филистерами. Смѣлые въ логикѣ, они освобождаютъ себя отъ практической послѣдовательности и впадаютъ въ вопіющія противорѣчія... Всѣ нѣмецкіе революціонеры—большіе космополиты... и всѣ исполнены самаго раздражительнаго, самаго упорнаго патриотизма. Они готовы принять всемірную республику, стереть границы между государствами, но чтобы Триестъ и Данцигъ принадлежали Германіи... При этомъ заносчивомъ и воинственномъ патриотизмѣ Германія, со времени первой революціи и поднесъ, смотритъ съ ужасомъ направо, съ ужасомъ налево. Тутъ Франція съ распущенными знаменами переходитъ Рейнъ, тамъ Россія переходитъ Нѣманъ, и народъ въ двадцать пять милліоновъ головъ чувствуетъ себя

круглой сиротой, бранится отъ страха, ненавидитъ отъ страха, и теоретически, по источникамъ, доказываетъ, чтобы утѣшиться, что бытіе Франціи есть уже не бытіе, а бытіе Россіи не есть еще бытіе ¹⁾». Эта остроумная характеристика кажется намъ вполне примѣнимой и къ нынѣшней германской интеллигенціи, одоббившей отчаянную войну на три фронта изъ страха передъ мнимымъ нашествіемъ мирныхъ сосѣднихъ народовъ.

Л. Слонимскій.

АНТОНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ РУБИНШТЕЙНЪ.

Къ двадцатилѣтію со дня его смерти.

(Род. 16-го ноября 1829 г.—ум. 8-го ноября 1894 г.).

Прошло 20 лѣтъ со дня смерти Антона Рубинштейна, но образъ этого гениальнаго артиста и его игра такъ живы въ воображеніи каждаго, кто его слышалъ, какъ будто онъ ушелъ отъ насъ только вчера. За эти двадцать лѣтъ я слышалъ величайшихъ артистовъ нашего времени, но ни одно изъ самыхъ сильныхъ музыкальных впечатлѣній не могло заставить поблѣднѣть воспоминаніе объ игрѣ Антона Григорьевича. Въ исполненіи Рубинштейна для меня особенно ярко и убѣдительно выступаетъ мистическая сторона музыки, та основная сущность художественнаго творчества, которая отдѣляетъ музыку отъ всякихъ другихъ искусствъ, за исключеніемъ творчества актера. Въ живописи, ваяніи, въ поэзіи вы имѣете предъ собою предметъ, явившійся результатомъ творчества. Художникъ, создавшій эти предметы, исчезъ, и дѣйствіе на насъ картины или романа происходитъ многократно уже послѣ того, какъ художникъ перешелъ въ небытіе. Правда, для каждаго, чувствующаго художественное произведеніе, какъ нѣчто живущее своей особенной жизнью, присутствіе въ немъ души исчезнувшаго художника есть фактъ несомнѣнный, но такое участіе души художника въ произведеніи безконечно отличается отъ того участія въ воздѣйствіи на насъ, которое принимаетъ играющій музыкантъ или актеръ въ моментъ исполненія. Въ этотъ моментъ наше настроеніе всецѣло въ рукахъ этого музыканта или актера: это настроеніе, вся гамма душевныхъ переживаній, до-

¹⁾ «Былое и Думы», ч. V, гл. XXXVII.

стигающихъ иногда силы необычайной, является результатомъ творчества вотъ этого именно артиста, и именно въ самый моментъ творчества.

Но при этомъ между творчествомъ музыканта и актера есть одно различіе чрезвычайной важности. Въ игрѣ актера смыслъ словъ, имъ произносимыхъ, оттѣнки интонаціи его голоса, всѣ его жесты сливаются въ одно цѣлое съ его поступками, и сила нашего впечатлѣнія зависитъ отъ того, насколько актеру удастся создать это художественное цѣлое, смыслъ котораго для зрителя совершенно непонятенъ.

Совсѣмъ иное происходитъ, когда мы слушаемъ игру музыканта. Передъ нами сидитъ человѣкъ, производящій надъ клавиатурой фортепіано множество движеній, смыслъ которыхъ для насъ совершенно непонятенъ, и въ то же время наполняющіе пространство звуки овладѣваютъ нашей душой съ такой непосредственной силой, какая недоступна другимъ искусствамъ. И замѣчательно, что этой власти надъ нами музыкантъ достигаетъ не въ согласіи съ тѣми движеніями, которыя онъ передъ нами производитъ и которыя для насъ не имѣютъ смысла, непонятны, а какъ бы вопреки этимъ движеніямъ. Власть музыки надъ нами такова, что подчиняетъ насъ себѣ вопреки нашимъ зрительнымъ впечатлѣніямъ ¹⁾.

Такая власть дана только самымъ немногимъ артистамъ, именно тѣмъ, которые своимъ исполненіемъ заставляютъ насъ забыть, что они играютъ на инструментѣ. Къ такимъ артистамъ принадлежалъ Рубинштейнъ. Когда онъ игралъ на фортепіано, то слушатель забывалъ, что для игры на этомъ инструментѣ требуется умѣніе и какая-то особая техника. Говорить о «техникѣ» Рубинштейна было бы кощунствомъ для тѣхъ, кто его слышалъ ²⁾. Въ его игрѣ мы слышали страданія и радости человѣческой души, мы слышали раскаты гнѣва или нѣжную ласку, преклоненіе передъ раскрытыми небесами или мистическій ужасъ, охватывающій насъ при видѣ отверзтой могилы. Все, чѣмъ богата душевная жизнь человѣка, все заставлялъ насъ переживать этотъ артистъ, нагнувшійся надъ клавиатурой своей характерной головой съ львиной шевелюрой. Во внѣшности Рубинштейна было что-то, импониравшее всѣмъ

1). Подтвержденіемъ сказаннаго можетъ служить то комическое впечатлѣніе, которое производитъ на насъ человѣкъ, играющій съ воодушевленіемъ на нѣмомъ фортепіано.

2) Въ своей посмертной книгѣ «Gedankenkorb» (по-русски «Мысли и афоризмы») А. Рубинштейнъ написалъ: «Игра на рояли есть движеніе пальцевъ, исполненіе на рояли (Klavier Vortrag) есть движеніе души. Теперь чаще всего слышишь первое».